

Издание, направленное на подрыв традиционных устоев
ЮДОЛЬ
Выпуск №1, март 2015
Фонд Эбби Хоффмана

СОДЕРЖАНИЕ

Они везде.

Они буквально разлиты в социальной атмосфере и порой, кажется, сами стали воздухом.

Риторика власти, язык медиа, штампы масскульта, разговор в курилке, выпуск новостей, застольная беседа, лекция в университете, пост в социальных сетях, уличный билборд, трамвайная реплика — они в каждом из этих окон.

Сексистские штампы, традиционалистские устои, мачистские повадки, глубокомысленные мизогинные премудрости, а главное — дискриминационные практики.

Неравная оплата за равный труд, объективация, обесценивание, сексуальные домогательства, домашнее насилие, «стеклянный потолок», навязывание и сакрализация откровенно примитивных моделей поведения, именуемых «природным предназначением» и «простым женским счастьем».

Эти проблемы по-прежнему актуальны во всем мире, но особенно остро стоят, конечно, в странах капиталистической периферии. Наиболее абсурдно и оскорбительно смотрятся в странах новой капиталистической периферии, постсоветского пространства, на территории которого сто лет назад был реализована самая смелая в истории попытка разрушить патриархальный уклад.

Её позитивные достижения в гендерной и других областях находятся сейчас под угрозой «возрождения традиционных ценностей», религизации массового сознания, разрушения гуманитарной сферы, науки и демонтажа остатков социального государства.

С этой целью активистская платформа Фонд Эбби Хоффмана запускает первый в истории страны феминистский фэнзин, на страницах которого эти и другие вопросы будут сформулированы в самой прямой, некорректной и политически ангажированной форме.

Беспокойного чтения!

Авторский коллектив журнала «Юдоль»

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ:

В истории, в голове, в языке

Праздник «Восьмое марта», поистине, самое чудовищное, что только могло случиться с феминизмом. И случается он неизбежно и каждый год.
Задумываются ли празднующие об истории этого праздника? К нашему сожалению, увы. Задумываются и еще как, вспоминая «добрыми» словами суфражисток, отрицающих зачем-то женственность и отстаивающих свои права наравне с мужчинами, которые были издревле способны на безумные поступки ради прекрасного пола и готовы хоть мир к их ногам сложить. И что женщинам, спрашивается, спокойно не сиделось? Вот и ежегодно в марте все СМИ активно желают «представительницам прекрасного пола» быть «нежными, красивыми, ласковыми и любящими. И обязательно – любимыми». Этими словами можно украсить любой материал – от любовных сюжетов до кулинарии с неизбежным логическим выводом в конце, что «настоящим» никакие права не нужны, у них уже и так все есть, и «даже в наш век равноправия , женщины все равно остались прекрасным полом!».
Как же мы дошли до этого? Как получилось, что идеи, за которые женщины боролись столько времени, перевернули с ног на голову?

В XXI веке принято считать, что все права мы получили сто лет назад и, дескать, добиваться больше нечего и бороться не за что. Равенство перед законом вроде как защищено конституционно - вон женщины работают, в политики идут, бизнесом воротят.

Но главный враг по-настоящему равноправного общества сидит не только в Конституции и не в высших инстанциях – он сидит в наших головах. Он пустил корни очень глубоко, взращённый с раннего детства, закреплённый в сознательном возрасте с помощью популярной культуры и СМИ.
Если бороться не за что, то почему всё еще существуют такие явления, как изнасилования и обвинения жертв (виктимблейминг), бытовое насилие, проституция, неравная оплата труда, дискриминация на рабочем месте, двойные стандарты сексуального поведения? Не они ли являются плодами патриархального общества, которое никуда не исчезло, но приобрело невиданно до этого лицемерные формы.И нельзя всё сваливать на «мужскую или женскую психологию». Давайте вспомним историю.

Со времен появления частной собственности и, вытекающего из нее, института патриархальной семьи, роль женщины была – мать, любовница, домработница.

Но до появления частной собственности обязанности женщины были такими же общественно важными, как и мужские. Индивидуальное хозяйство, пришедшее на смену коллективному вместе с эпохой цивилизации, возвело семью на совершенно новый уровень, как экономическую и хозяйственную ячейку общества. А женщина перестает заниматься общественным трудом и переходит в полное и безграничное личное владение мужа, как и дети, рабы, домашний скот. Мужчина же тем временем активно принимает участие в общественной и политической жизни социума, полностью и единолично владеет всем семейным имуществом, которое передается по наследству исключительно наследнику, а не наследнице, который является непременно родным сыном собственника (мужа), что заставляло женщин хранить верность - неведомая до того времени обязанность. Именно она теперь стала основной скрепляющей силой брачных уз и залогом прочности семьи. Но объективные экономические условия не требовали аналогичной верности от мужа, отголоски поведения которого мы видим до сих пор в укоренившихся стереотипах о мужской полигамности.
Наступившая промышленная революция буржуазии позволила капиталистам начать использовать и женщин, уже веками воспитанных в покорности, моральной слабости и экономической зависимости от мужчин. Все это давало возможность получать от женского труда гораздо больше прибыли за гораздо меньшую плату. Так капитал с одной стороны открыл перед женщиной путь к общественному труду, а с другой продолжил формировать и подкреплять все древние стереотипы женской бесправности и уязвимости. Которые, кстати, потихоньку начали вытесняться из женского сознания чувствами солидарности и сплоченности, поддерживаемыми в трудовых коллективах того времени. Да и экономическая независимость не давала оставаться женщине на том же бесправном положении в обществе.

С этого места берет начало история борьбы за трудовые, политические, социальные и семейные права женщин, которая неотделима от борьбы рабочего класса.
Разрушение буржуазной семьи вместо освобождения женщин и ожидаемого равноправия принесло новые формы зависимости, поменяв «право на свободный труд» всего лишь на зависимость от мужа и от начальника. Построенное на угнетении и эксплуатации капиталистическое общество подчиняет экономически зависимого полностью. А что если женщина оказывается кормилицей в семье? Обязанностей по дому, уходу за детьми и по поддержанию своего внешнего вида с неё никто не снимает. Хотя бывают и исключения, но на общую картину они никак не влияют. В любом случае, капиталу важно не то, кто в доме хозяин (патриархальные предрассудки или эмансипация), а будут ли все рабочие в полной власти буржуа или нет. И в этом случае политика «разделяй и властвуй» отлично работает и в ситуации «войны полов».
Плоды сексизма лежат на поверхности – в нашей речи, в этикете и так называемых хороших манерах, в привычках. Давайте рассмотрим эти явления.

Главная мысль, вросшая тысячелетними корнями в наш мозг – это то, что женщина, в первую очередь женщина, а потом уже человек.

Она второй пол, она за мужчиной, она в арьергарде. Как понять, относитесь ли вы к дискриминируемой группе? Легко: если это так, уже только ваше имя может являться оскорблением. Как можно обидеть человека, назвав его белым, русским или натуралом? А «мужиком»? Нет. То есть, как мы видим, почти все слова, которые обозначают привилегированную группу либо нейтральны, либо положительны. А можно ли оскорбить словом «баба»? Как мы знаем, это слово часто используется именно в негативном контексте, как и слова жид, хачик, пидар, калека, быдло, нигер. Когда-то эти слова были вполне нейтральными, сейчас же «очистить» такое слово от закрепившегося контекста просто невозможно. А между тем, вытеснение шовинистических оскорблений в маргинальное пространство является необходимым условием в борьбе с дискриминацией.
Значение слова «баба» в Словаре Даля: «замужняя женщина низших сословий». То есть, термин скорее социальный, нежели гендерный, как и мужик. Но, как мы сейчас можем наблюдать, слово «мужик» стало синонимично русскому мачо, тогда как классовое оскорбление женщины эволюционировало в сексистское. Сейчас «баба» - это женщина, которая отказалась подчиниться мужскому контролю. При этом она может быть хоть ухоженной моделью или духовно богатой девой, «сексуальной» или «целомудренной», бизнес-вумен или домохозяйкой. Но именно в тот момент, когда она становится неудобной или непослушной, она становится именно «бабой», сохраняя, однако, за собой и возможность стать иллюзорной «Прекрасной Дамой», если снова станет беспомощной и сложит оружие. Отстаивание же собственных интересов и прав, проявление воли, управление собственным автомобилем автоматически превращает ее снова в «бабу», как только ее поведение кому-то не понравится.
Что мы представляем себе при словосочетаниях «мужской поступок», «мужская дружба», «по-мужски»? Эти очень распространённые выражения вкладывают в слово «мужской» положительные качества. Можно заменить синонимами надежный, правильный, честный, добротный и т.д. Что же, если их заменить на слово «женский» - получаем полную противоположность, при слове «женский поступок» или «по-женски» - мы думаем либо о хитрости и двуличности, либо просто о глупости. Такое понятие как женская дружба наша культура вообще не признаёт, как явление. Женщины могут быть только соперницами и завистливыми лицемерками в извращенном шовинистском представлении. Печально, что такой стереотип сами женщины поддерживают на практике, следуя заданной модели поведения и поддерживая игру.
Идем дальше. Преувеличенно позитивное отношение к женщинам тоже может быть сексизмом, если при этом оно пытается удержать ее в рамках, навязанных патриархатом. Доброжелательное клише «женщина – хранительница очага» растет из вполне дискриминационного «место женщины на кухне», а «прекрасный пол» из «слабый пол». Преувеличенное же прославление женской роли в семье берет начало из всех предрассудков, которые ограничивают общественную активность женщин и отказывают им в социальной реализации. Пресловутая галантность и хорошие манеры также являются плодами этого въевшегося в наш мозг паразита: уступание места, открывание дверей, отодвигание стула, поддержка за руку – всё это, конечно, мило, и мужчины делают это не осознанно, в одних случаях, в других это является просто частью флирта.

Между тем у всех этих традиций изначально была практическая значимость и ясно перекликалась с ролью женщин высших сословий. А сегодня мужчина гордо несёт вашу сто-граммовую сумочку, но через пару лет брака сумки с картошкой с рынка вы будете нести сами!

Так где же они, эти «женские привилегии»?

Ответ: их не существует. Все, что привыкли называть «женскими привилегиями», на самом деле является самым что ни на есть сексизмом, «доброжелательным сексизмом». И призыв в армию, и «рыцарское» поведение только издалека кажутся выгодными для женщин, на деле же поддерживая сексизм, мешая достижению равноправия между женщинами и мужчинами. Отличие «доброжелательного сексизма» от обычного в проявлении его человеком, считающим, что он хорошо относится к женщинам. Этот человек идеализирует женщин описаниями чистоты, хрупкости, необходимости их защищать и заботиться, чья любовь необходима каждому мужчине для ощущения собственной полноценности и мужественности. Что автоматически подразумевает: женщины слабы и могут выполнять только традиционные женские роли в обществе и не должны претендовать на большее, чем быть красивым дополнением мужчины.
И если враждебный сексизм чаще всего воспринимается как таковой, то доброжелательный принимается не как торжество предрассудков, а «естественное» поведение мужчины по отношению к женщине, чем становится еще более опасным. А если взгляды женщин совпадают с патриархальными стереотипами, то редко кто осмеливается на его открытую критику.
В феминизме считается, что «женские привилегии» - рыцарское или джентельменское поведение – является скорее порождением неравенства между мужчинами и женщинами, а не действительными привилегиями. Привилегия – это социальное явление, которое дает определенной группе людей больше власти, контроля и ресурсов. «Женские привилегии» дают женщинам только поощрения за не сопротивление существующему порядку вещей.

Мизогиния (женоненавистничество) бывает не только у мужчин. Есть такое понятие как «внутренняя мизогиния». Так как в головах у большинства людей сидит стереотип о второсортности женщин, большинство так называемых сильных женщин это только подтверждают. Многие не хотят соответствовать идеалам женственности и всячески пытаются доказать свою не глупость и не слабость (чаще всего притом требуя к себе вышеупомянутых женских привилегий.) Отсюда мы видим ненавистный мужчинами тип женщин – стервозные и самоуверенные.
Занимаясь нетипичным женским делом (интеллектуальным, социально-активным и требующим усидчивости и логики) многим женщинам приходится все время доказывать свою пригодность. И тот факт, что она в отличие от других женщин смогла им заниматься, приблизиться по уровню к мужчинам, делают её весьма гордой собой (не всегда осознанно). И чтобы уже отличаться от «простых» женщин, иногда не обязательно хорошо владеть делом, достаточно уже осмелиться

– и отношение к таким женщинам уже другое. Как правило, либо враждебное, либо - в нашем случае – снисходительное со стороны коллег-мужчин. В технических ВУЗах к девушкам пониженные требования, с них спрашивают не так строго, одногруппники часто помогают и выручают на экзаменах (часто связано с повышенным вниманием и конкуренцией парней за редких девушек в таких коллективах). Так же, например, в автошколах – на ошибки девушек смотрят сквозь пальцы, считая, что на большее они в принципе не способны. Отсюда получается интересная картина – благодаря доброжелательному сексизму многие женщины – специалисты, водители и т.д оказываются менее профессиональными, чем коллеги-мужчины. Они привыкли к снисхождениям и помощи. Но разве изначально они нуждались в ней? Именно поэтому огромная масса девушек предпочитает идти по пути наименьшего сопротивления. Многие сломлены негативным отношениям, другие разбалованы. В итоге мы получаем то что имеем – стереотипы, которые порождают и поддерживают сами себя.
В советское время женственность представлялась в одновременном сочетании качеств матери и домашней хозяйки с «работницей и крестьянкой», что мы можем понять из названи самых популярных женских журналов того времени.
И только в 90-е годы в постсоветских странах происходит радикальная ломка стереотипов женственности и мужественности, проходящая не без активной роли СМИ в этом процессе. Именно в СМИ женщины получают в пользование новый набор качеств, который им будет нужен уже не в советском, а в независимом государстве и обществе: сексуальность, покорность, забота о муже, внимание к собственной внешности, отсутствие карьерных амбиций и потеря интереса к общественной деятельности. Теперь женщина чаще предстает как сексуальный объект или счастливая домохозяйка, либо просто подруга мужчины.
Естественно фактического равенства не было и в советский период, но был образ. Сейчас же, в некоторой мере наоборот – реальных прав и свобод пока что больше, чем в том женском образе, который мы видим в массовой культуре. Со всех каналов и интернет ресурсов нам рисуют этот образ. Нас призывают забыть о революциях и просвещении и вернуться к традиционным патриархальным ролям и ценностям.
И если в девяностые нам рисовали сексуально раскрепощенную женщину-вамп, то сейчас перед нами предстаёт либо славянка в венке и сарафане, смиренная мусульманка, либо же блаженная почитательница вед и сакральных энергий.

Реклама, лженаука и религия неумолимо двигают процесс, который можно назвать - патриархальный ренессанс.

В целом за последние годы колоссально возросло увлечение как традиционными религиями, так и неформальными мракобесными и псевдонаучными течениями, которые по своей сути ничем друг от друга не отличаются. Чем опасны традиционные религии нам показывает мировая история. Увлечения ведами, астрологией, энергиями солнца, земли, луны, психологией отношений и прочим так называемым нью-эйджем, представляются более прогрессивными. Но, тем не менее, для рассматриваемого гендерного вопроса они несут однозначный посыл – через призму женской мудрости и женского предназначения нам навязывается всё та же пассивная и второстепенная роль.
Крайне популярны у нас сектантские учения Торсунова, Новосёлова и Валяевой, которые открытым текстом призывают вернуться к роли жены-матери и только. Сила таких женщин, якобы, только в том, чтобы косвенно подталкивать мужчину и направлять его с помощью манипуляций и хитрости. Таким образом, все мужские неудачи и плохие поступки (например, пьянство) являются результатом неправильного поведения женщины. Не говоря уж о навязывании набившего оскомину ответственного и доминантного мужского образа. И это то, чем действительно всерьёз увлекаются сотни тысяч людей.
И что бы не говорили традиционные религии об уважении к женщине – его никогда в них не было и не будет, а последствия исламизации для нашей страны могут быть очень плачевными, для женщин в первую очередь.
Не говоря уж об очевидном - религии и неформальные религиозные секты уводят людей от реальных научных знаний и здравого понимания происходящих событий.

Текст: Олеся Ковтяк
Иллюстрации: Олеся Ковтяк, Вероника Доломан

ЛОВУШКА ДЛЯ ЗОЛУШКИ

На этапе первобытного коммунизма существовало такое разделение труда между полами, при котором роль женщины определялась в первую очередь обстоятельствами, связанными с заботой о детях. Первобытная женщина наравне с мужчиной занималась добычей и производством, но по причине особой уязвимости и слабости человеческих детей в первые годы их жизни, их потребности в кормлении и постоянном материнском надзоре, ей отводилась деятельность, имеющая наименьший риск для нее и ее потомства – собирательство, мелкое огородничество, «домашний очаг»; мужчина же занимался преимущественно охотой.
Такое разделение труда, впрочем, не означало неравенства полов: плоды деятельности мужчин и женщин по добыче пропитания были в калорийном отношении примерно равны, а результаты женского труда были намного надежнее и стабильнее, поскольку не зависели от удачи и случая, как охота. Этому соответствовало и равное положение мужчин и женщин в обществе. Первобытный коммунизм был коммунизмом нехватки, дефицита – человеческая деятельность производила продукты только для непосредственного личного (или общинного) потребления, и индивидуального накопления не могло происходить. Как человеческое общество не знало на этом этапе своего развития частной собственности, имущественного неравенства, классов и государств, так и угнетение женщин было ему неизвестно.
Начало угнетенного положения женщины, «всемирно- историческое поражение женского пола» (Ф. Энгельс) назрело вместе с развитием производительных сил общества: производство избытка сверх непосредственного ежедневного потребления привело к накоплению богатств в частных руках, – то есть к материальной предпосылке классового общества и гендерного неравенства, – и эти руки оказались мужскими. Причиной тому было прежнее разделение труда: прорыв в производстве благ произошел в области скотоводства, а ответственность за выпас скота легла на мужчин, причем до того, как началось производство избытка. «Всемирно-историческое» значение свалившейся на мужскую долю удачи составили его последствия для человеческого общества: с одной стороны, возникновение института частной собственности, классового общества, с другой – формирование патриархальной семьи, в которой положение женщины, отныне вырванной из общественного производства и закрепощенной в бытовой экономике отдельного домашнего хозяйства, становится угнетенным. Такое положение хоть и претерпевает видоизменения, но фундаментально сохраняется на протяжении долгих веков и тысячелетий.
Переломный момент наступает с промышленной революцией и установлением капитализма, с развитием орудий труда, при котором женщина массово привлекается в промышленность и вновь становится участницей общественного производства в качестве наемной работницы.

Сейчас мужчины и женщины пользуются якобы правовым равенством, но капитализм видит выгоду в том, чтобы неоплачиваемый домашний труд женщины оставался таковым и дальше

Однако роль домохозяйки, которая занимается неоплаченным домашним трудом, по-прежнему закреплена за ней – вернувшись с работы, трудящаяся женщина заступает на «вторую смену». Сейчас мужчины и женщины пользуются якобы правовым равенством, но капитализм видит выгоду в том, чтобы неоплачиваемый домашний труд женщины оставался таковым и дальше: рабочего можно заставить работать еще дольше, и за меньшую заработную плату, если ответственность за его бытовые хлопоты – питание, стирка, и взращение следующего поколения рабочих – будет лежать на женщине-домохозяйке. Так, выполняя работу по дому, она фактически работает на капиталиста в свою «вторую смену», поддерживая его работника сытым и довольным. Женский домашний труд воспроизводит рабочую силу для большой капиталистической экономики: без готовки, уборки, хождения по магазинам, заботы о детях и даже эмоциональной поддержки мужья окажутся не в состоянии ежедневно участвовать в производстве. Рабочая сила – решающий фактор капиталистической экономики,но сам капиталист не беспокоится об обеспечении бытовых потребностей работающего. Этим занимается скрытая экономика домашнего хозяйства.
Для поддержания такого положения дел, капитализм имеет на вооружении богатейший идеологический арсенал, апеллируя ко всевозможным духовным скрепам, традиционным ценностям, консервативной морали и религии, вещает этот пропагандистский материал через рупор полностью подконтрольных крупному капиталу СМИ и массовой культуры, и закрепляет свою волю в законах через подчиненное ему (читай – купленное им) государство.
Несмотря на вовлечение женщины в общественное производство через наемный труд, сохраняется и сугубо экономическое неравенство в положении работницы. В среднем, заработная плата женщины ниже мужской на 30%.
Это связано в первую очередь с тем, что с точки зрения капиталиста и его рыночной логики, он идет на больший риск для своего предприятия и своей прибыли, нанимая женщину репродуктивного возраста на работу, поскольку той может потребоваться оплачиваемый декретный отпуск, во время которого она не может быть законно уволена, – и этот «риск» наниматель компенсирует понижением оплаты труда.
А там, где и последний вариант исключен законами, предписывающими равенство заработной платы, то работодатель попросту предпочтет нанимать как можно меньше женщин, усугубляя проблему женской безработицы, которая, как и любое другое последствие кризисов капитализма и его «издержек», ложится наиболее тяжело именно на женщин.
Такая ситуация, в которой вознагражение труда, качество жизни и доступ к общественным благам и богатствам каждого отдельного человека определяется его половой принадлежностью и логикой экономической выгоды олигархического меньшинства, будет продолжаться до тех пор, пока не будет покончено с капитализмом. Угнетение женщин осуществляется не мужчинами, а капиталистической системой: экономика является определяющими факторами, потому что дискриминация возникает из экономической эксплуатации одного человека другим, поэтому наша задача - освободить человеческие отношения от экономической зависимости, зависимости женщины от мужчины, рабочего класса от капитализма!

Текст: Марьяна Апрельская,
Тимур Даутов
Иллюстрация: Вероника Доломан

МИЗОГИННОЕ ЧТИВО

Читая глянец, можно потерять здоровый румянец

Масс-медиа и всё, что мы называем современной массовой культурой – кино, литература, искусство, Интернет ресурсы, играют большую роль в нашем восприятии действительности. Единственное, что действительно важно для этого монстра – это прибыль, полученная с тиражирования и распространения стереотипов, которые мы так легко усваиваем после просмотра или прочтения очередного «шедевра» современного искусства.

Как мы можем заметить, хорошо продаются стереотипы гендерные, что позволяет четко разделить рынок потребления СМИ на две аудитории и продавать им свой товар с удвоенной активностью.

Разделение прессы по гендерному признаку произошло не так давно, всего лишь в конце 17 века в Европе появился первый отделившийся от обычной прессы женский журнал, затрагивающий в большинстве своем темы моды и сплетен, а в конце 18 века такое издание появилось уже и в России. А на каких признаках основано деление на уже современные женские и мужские журналы?

Содержание журналов не пестрит особыми различиями в рубриках, посвященных стилю, моде, отношениям, дизайну, карьере, хобби. Отличается только подача продаваемых товаров, которые приобретают на страницах журналов ярко окрашенные гендерные различия. «Вот этот кухонный прибор исключительно для девушек, какой мимимишный дизайн». «А вон тот стул исключительно для вашего любимого джентльмена, посмотрите, ему понравится». Материалов для размышления печатается как можно меньше, заменяя всю науку или аналитику приятными глазу глянцевыми развлечениями гламурной жизни, оставляя при этом все серьезные темы мужским журналам. Получается, женщине остается довольствоваться только новостями модной индустрии, а если хочется почитать о происходящем в мире за границей глянцевой атмосферы, нужно брать в руки журнал для «настоящих мужчин». Что, кстати, становится весьма популярным, доказывать свою элитарность чтением мужской прессы, которая позиционирует себя как серьезная, взрослая, аналитическая в противовес развлекательной, гламурной и легкой женской.

То есть, даже обычная информация подается через призму поведенческих стереотипов. К словам прибавляются уменьшительно-ласкательные суффиксы, неприятные новости сглаживаются или не оглашаются вовсе, статьи построены на мифах (о Золушке, вечной молодости, красоте и т д), постоянно скрыто или явно пропагандируя традиционные ценности и навязывая роли и ярлыки читающей аудитории. Роль женщины в обществе ограничивается исключительно хранительницей домашнего очага, красивым и дорогим приложением к богатому мужчине, жестокой карьерной стервой, жертвой-труженицей-роженицей т.д.

И, отыгрывая в обществе одну из этих уже написанных для нее ролей, она должна находиться в вечном ожидании того единственного и неповторимого, который обязательно найдется и заботливо прикроет, жить с которым как за каменной стеной. Потому что именно так оно случается, «я знаю, я читала». Только вот глянцевые журналы именно этим и подкупают свою огромную аудиторию – они заводят ее как можно дальше от реальной жизни сказками о чужой звездной или красивой вымышленной.
Самое неприятное, за что можно зацепиться, читая глянец, это дискриминация противоположного целевой аудитории пола, которая встречается не менее часто, чем все остальное вышеперечисленное. В мужском журнале синонимом плохого поступка будет «женский», а в женском журнале будут утверждать, что «все они, мужики, козлы», закрепляя, если они еще не укоренились в читательском мозгу, стереотипы о «войне полов», женской логике, мужских поступках и т д.
Иллюстрирующие все это текстовое глянцевое безобразие картинки и фотографии совершенно не дают отдыха глазам, представляя нам чудовищные образы женской сексуальной объективизации практически на каждой странице мужского журнала (для привлечения внимания, ибо sex sells) и идеализацию навязанного культа красоты в женских (для наилучшей продажи средств, якобы приближающих простых женщин к прекрасному идеалу). Последствия этого очень масштабны – неуверенность в себе, постоянное давление социума на толстых и неидеальных, некрасивых и немодных. Это всё активно удерживает людей обоих полов в навязанных образах, формируя их зависимость и уязвимость. Это не какие-то теории заговора, все напечатано с единственной целью – заработок. И пока средства массовой информации будут теми институциями, где можно заработать большие деньги, они будут идти по пути наименьшего сопротивления, продавая и продавливая.
В итоге, на нашу голову обрушивается ядерный микс зафотошопленного сексизма и откровенно рекламных текстов. И что остается делать с этой информацией незащищенному читателю? Конечно, воспринимать, принимать и впитывать. Правда, сначала нужно ее купить, а это удовольствие, прямо сказать, не дешевое. Естественно, чувство принадлежности себя к элитарной публике, читающей глянец, продается хорошо и дорого.
Но, если использование стереотипов в деятельности журналиста — это вопрос профессионализма, то проявление сексизма может иметь и правовые последствия. Эти действия могут быть как вербальными (например, высказывания в духе «все блондинки глупые», «место женщины на кухне», «женщина за рулем, как обезьяна с гранатой»), так и невербальными (например, необоснованные ситуацией прикосновения, оскорбительные жесты в отношении женщин).

Проявления сексизма в СМИ могут иметь правовые последствия

Сексистская реклама была очень распространена и 50 лет назад и сейчас. Непрозрачные намёки на женскую глупость, использование женской сексуальности и даже тем женской сексуальности, и даже тем насилия над женщинами постоянно используются рекламодателями. Сексизм продаётся хорошо, и это факт. Но если в Западных странах использование образа «счастливой домохозяйки со шваброй» считается пошлым и архаичным и ни одно уважающее себя агентство такую рекламу не пропустит, то сотни и тысячи сексуально объективизированных женщин, продающих всё, что только можно, продолжают «красоваться» на биллбордах, баннерах, экранах и печатных страницах так, как будто весь мир существует лишь для услаждения мужского взора. Хоть агрессивный сексизм на Западе уже порицается усилиями феминистских движений, но объективизация проблемой не является совершенно. Наш глянец не стесняется использовать подобное.
Журналисты и редакторы совершенно не владеют информацией о правах женщин, к тому же в Казахстане практически отсутствуют правовые прецеденты, затрагивающие случаи дискриминации женщин в медиа. И читательницы, к сожалению, часто закрывают на это глаза. Зато «мораль» всплывает, в других случаях: как со знаменитым плакатом «Пушкин-Курмангазы». Кстати, об этом. Когда с течением времени, делить журналы по тематике (хобби, мода, политика) и гендерумужские и женские) стало мало, возникли журналы, делящие читательскую аудиторию еще и по сексуальной ориентации. То есть, для гетеросексуалов одни журналы (проще говоря, почти все, что есть на масс-рынке), а для гомосексуалов – другие (в Казахстане ни один из таковых открытых не прижился). Что, естественно, заполняет определенную нишу на рынке СМИ, которая тоже пользуется популярностью, но… тут есть много но. Одно из них – узкое и ограниченное распространение журналов, рассчитанных на представителей ЛГБТ сообщества,

продаваемых в определенных местах и в закрытых пакетах. При этом в остальной прессе, как правило, в реалиях постсоветского пространства идет усиленная пропаганда гомофобии и, опять же, пресловутых традиционных ценностей семьи и брака. Что, в конце концов, приводит к еще большему разделению общества на враждебных друг другу «своих» и «чужих». И если в европейских странах все чаще в судах слушаются дела о дискриминации по половому признаку или сексуальной ориентации, то в судебной практике стран СНГ такие прецеденты если и встречаются, то крайне редко.

В Казахстане практически отсутствуют правовые прецеденты, затрагивающие случаи дискриминации женщин в медиа

Например, в России таких судебных разбирательств за последнее время было всего три (гендерная дискриминация). В РК слушаний о дискриминации по половому признаку не было. Естественно, это не значит, что с гендерным неравенством у нас покончено. Совсем наоборот. Подобные разделения прессы и, соответственно, читательской аудитории не только плодят еще больше форм дискриминаций, гомофобии и сексизма, но и ограничивают сознание как читающих, так и пишущих материалы в подобные журналы. И тут дело не только в недостатке необходимой грамотности в вопросах гендерной и сексуальной ориентации, хотя это, безусловно, важно. А в выгодности подобных материалов для реалий настоящего капиталистического времени. И в нарастающей их потребности. Пытаются продать все, что только возможно и любым путем – идеальные тела и предметы ухода за ними, умную технику, сказочные истории, перемежающиеся с ненавязчивой рекламой предметов быта и красивую напечатанную глянцевую жизнь.

Текст: Олеся Ковтяк, Арина Осиновская
Оформление: Сергей Рожин

МУЧИТЕЛЬНО И ПРЕКРАСНО

«У нас было 2 пакета грязевой глины для лица, 75 румянных шариков, 5 упаковок тональки, пол-солонки глиттера и целое множество теней всех сортов и расцветок, а также отбеливающий крем, клей для век, целый ящик таблеток для похудания, пинта чистой туалетной воды и хайлайтер. Не то что бы это был необходимый запас для поездки. Но если начал собирать косметическую дурь, становится трудно остановиться. Единственное, что вызывало у меня опасение – это вибрирующий прибор для подтяжки лица. Нет ничего более беспомощного, безответственного и испорченного, чем вибрирующие зомби с подтянутым лицом. Я знал, что рано или поздно мы перейдем и на эту дрянь»

Как бы не было смешно и по сути самоиронично, но на сегодняшний день объективно существует помешательство женщин на косметическо-хирургических процедурах с целью перманентного избавления и выправление до состояния «нормы» своих природных особенностей и изъянов, которые случайно не вошли в золотой список эстетических предпочтений той ли иной эпохи, что подсказывает нам о социальных предпосылках формирования образа «красивой женщины» в сознании масс. Причем общественность порицает, как и жертв критических и взаимоисключающих стандартов красоты, так и безразличных к ней, а к середняку – она особенно жестока. Этот благосклонный голос парня-соседа с верхнего этажа, комментарий заботливой тёти, доброй второй половинки, которая «старается ради вас», отредактированной Скарлетт Йохансон из журнала и счастливый вид вечно юных безызвестных девушек из рекламы, которые постоянно, и как правило в мягкой, но настойчивой, как кремень, форме напоминают или скорее не дают забыть, что у Вас есть куча недостатков, и избавляясь условно от одних, вы не заметите как общественный фокус перескочил на ваши другие параметры.., а полки тем временем всё пополняются и пополняются волшебными приборами и скляночками, крепко ударяя по женским или семейным карманам и финансам.
И бесспорно то, что общество предъявляет более высокие требования именно к женской

внешности и культивирует ухоженность, используя популярную подмену понятий между гигиеной и эстетикой, посему комментарии наивных мужчин «зато вам каждый день бриться не надо» вызывают истерический смешоки справедливое возмущение у множества женщин.
Ненависть к своему телу и как следствие - отстраненность и невозможность идентифицироваться вместе с ним создают колесо Сансары самопредставления человека благодаря низкому восприятию себя, потоку различных общественных оценок, которые не регулируют самооценку, а подчиняют ее себе. Человек постоянно «плавает» и легко меняет мнение о себе в худшую сторону, занимается интроекцией чужих взглядов и суждений, так как зависим и не имеет достаточной внутренней силы для борьбы против неё. Поэтому любое избавление или изменение внешних данных при таком состоянии не гарантирует «долгой счастливой жизни», а может фрустрировать еще больше.

*Где же ваши домашние каблуки?
Что есть – для себя?*

Говорить о человеке вне общества совершенно бесполезно, но есть один прекрасный тест, который сможет определить, насколько сильно отличается ваше желание и выстроенная зона комфорта от навязанных привычек и косметических каждодневных риуталов. То, кем вы являетесь наедине с собой или, проще говоря, находясь одни дома, и есть ваша зона комфорта: практичная одежда, отсутствие макияжа и свободное владение телом, не задумываясь об осанке, складках и прочих зажимах. То есть, вы наконец-то перестаете видеть себя и наблюдать за собой «чужими глазами», а концентрируетесь на более важных вещах.
По опыту скажу, что чаще всего отдаю предпочтение удобной одежде, несмотря на некоторый навязчивый уклон в гетеронормативный женственный образ, но постепенное очищение шелухи от чистого плода ваших собственных желаний сможет настроить вас на нужный лад и помочь наладить связь с вашим телом, с которым вы дистанцируетесь, хотя Вы и есть Ваше тело и оно у вас одно, другого у вас больше не будет. Кстати говоря, при такой нездоровой аддикции и развивается тяга к пластическим переворотам, когда человек ложится под нож, чтобы проснуться от наркоза другим человеком и будто бы счастливым.

Проблема боди-негатива

Концепция боди-позитива направлена на восстановление человека, прошедшего травмированный опыт, нацеленный на формирование стигмы или ярлыка через внешние качества: вес, рост, нос, манеры, походка, голос и многое другое. Туда входит также фэтфобия, эйблизм (дискриминация из-за наличия у человека той или иной болезни, а также предубеждения по отношению к людям с повышенными потребностями) и слатшейминг (порицание женщины за полигамность, грубо затрагивая её индивидуальную сферу, т.е. личную жизнь).
Патриархальная культура наловчилась обвинять феминисток в непристойности и лени. Но если разобрать реакцию людей на их «возмутительные» выступления, куда входят и наглядное продвижение идей боди-позитива, то можно легко столкнуться с агрессией ярых сексистов. И из этого следует, что небритые подмышки – политический акт, а не чудачество ленивых феминисток, пока есть жесткое неприятие и сопротивление, небритые подмышки остаются политическим актом, как на примере смелых суфражисток с выпавшими на их долю запретами и ответное неприятия консервативного общества справедливой борьбы женщин за собственные права, социальные возможности и за свободное владение собственным телом.
«Большинство мужчин получают от зеркала очень приятные впечатления. Женщина, та всегда чем-то мучается, на что-то ропщет, что-то поправляет. То подавай ей длинные ресницы, то зачем у нее рот не пуговкой, то надо волосы позолотить. Все чего-то хлопочет».
Н. Тэффи.

Пища в современном представлении множества женщин стала почти греховным искушением, даже в малых количествах

Сложные отношения женщины с едой. Кто виноват?

Есть такое понятие как психосексуальное развитие человека, и самой первой в ряду и фундаментальной является оральная стадия или оральная фаза.
Как мы знаем и можем наблюдать - грудничок не может воспроизводить речевые сигналы в сторону матери или для любого внешнего субъекта, то есть не имеет возможность оповещать всех вокруг о своих желаниях и неудобствах и поэтому связь, которая окружает родителя-ребенка, налаживается крайне тесно за счет понимания и своевременного захвата реакций младенца и правильных действий матери со своей стороны.
Грудной младенец первым делом удовлетворяет свою базовую и органическую потребность через материнскую грудь, утоляя голод. Поэтому в психоанализе считается, что в этой фазе формируются навыки любви, а поглощение еды остается в дальнейшем не просто поглощением еды, а бессмертно становится важной эрогенной зоной на протяжении всей жизни человека и поэтому в самОм поглощении пищи присутствует символизм, причем не лишенный сексуального характера. когда мы говорим о еде и женщине в едином контексте, то можем сразу же словить широкий ассоциативный ряд и наше сознание захватывают такие обыденные острые фразы и слова как: диета, фигура, здоровая еда, не есть после 6, меньше сладкого, калории, ограничиваться, весы, худеть, жир.
Женщинам отказывают в удовлетворении естественной потребности без обязательных ритуалов самоистязания (просчета калорий, после физических нагрузок, голодовки, душевных терзаний) и выдержки в духе римских стоиков. Пища в современном представлении множества женщин стала почти греховным искушением, даже в малых количествах. Ненависть к себе и своему телу и постоянная аддикция физического самосовершенствования остро всплывает зачастую после принятия пищи и явственно дает понять нам о масштабах трагедии и как сильно общественное желание контроля над телом довлеет над женщинами, подобно Домоклову мечу. Любой человек, который находился долгое время в женском половозрелом обществе может наблюдать, какой сильный эмоциональный фон сопровождает разговоры о питании и самоограничении.

Сексуальная объективация

Сексуальная объективация женщин в иной раз доходит до абсурда и чаще всего представителей женской части населения оценивают по внешним критериям, даже если область их деятельности далека от постоянных самопрезентаций.

Причем вкусы общества довольны специфичны и примитивны, если женская грудь обнажается для мужского взгляда – все нормально, но если этой же грудью начинают кормить ребенка.. лучше заткнуть уши и не оказаться на пути целого грязевого потока возмущения о том, что это сверхинтимно и вообще гадко - как это маленький ребенок посмел есть в общественном месте? – говорят взрослые человеческие единицы (обоих полов), пожирающие всё и везде в режиме нон-стоп.
Слишком долгая и постоянная объективация в обществе чревата отсутствием эмпатии к этому объекту. Простой пример – проституция, а по сути рабство и эксплуатация женского тела. Причем в него попадают все чаще маленькие девочки, которых либо продают, либо крадут. Поддерживать подобную систему – значит поддерживать рабство.
Если мы вернемся к нашей теме, то, безусловно, сексуальная объективация, выгодная системе и ее потребителям - жуткий кошмар и способствует скачку сексуального насилия, так как мужской взгляд впитывает в себя все аппетитные женские образы вокруг, которые предоставляют весь спектр объективирующих факторов. Объективация – это капиталистическое орудие, это опредмечивание живых существ, где они повсеместно становятся средством, а не целью. Личность отходит на второй план и это пиршество собственных эгоистичных желаний и отрицание чувств, мыслей, влечений другого человека, будь она на примере обычной куклой.
Но есть одно но, когда идет борьба с с.объективацией может произойти перекос в другую крайность. От Сциллы к Харибде.
Отрицание своего телесного потенциала и сексуальности не может не навредить, так как воспринимать все через духовную призму противоречит самому понятию материального мира. Такое возмущение женщин –понятно, ибо мир перенасыщен сексуальной объективацией и больными образами, что не хочется даже разбирать ее достоинства. Если обретении гармонии своей личности.

«Адекватное приятие собственной телесности не имеет отношения к культу красоты и аддикции физического совершенства, которая выражается в навязчивом желании себя улучшать и совершенствовать. Понятно, что в последнем явлении больше неприятия, чем приятия, больше недовольства собой, чем радости от собственной телесности. Есть и другая опасная крайность.. Отрицая тело как отдельную форму, ему перестают уделять внимание, которое ему необходимо». – цитата.

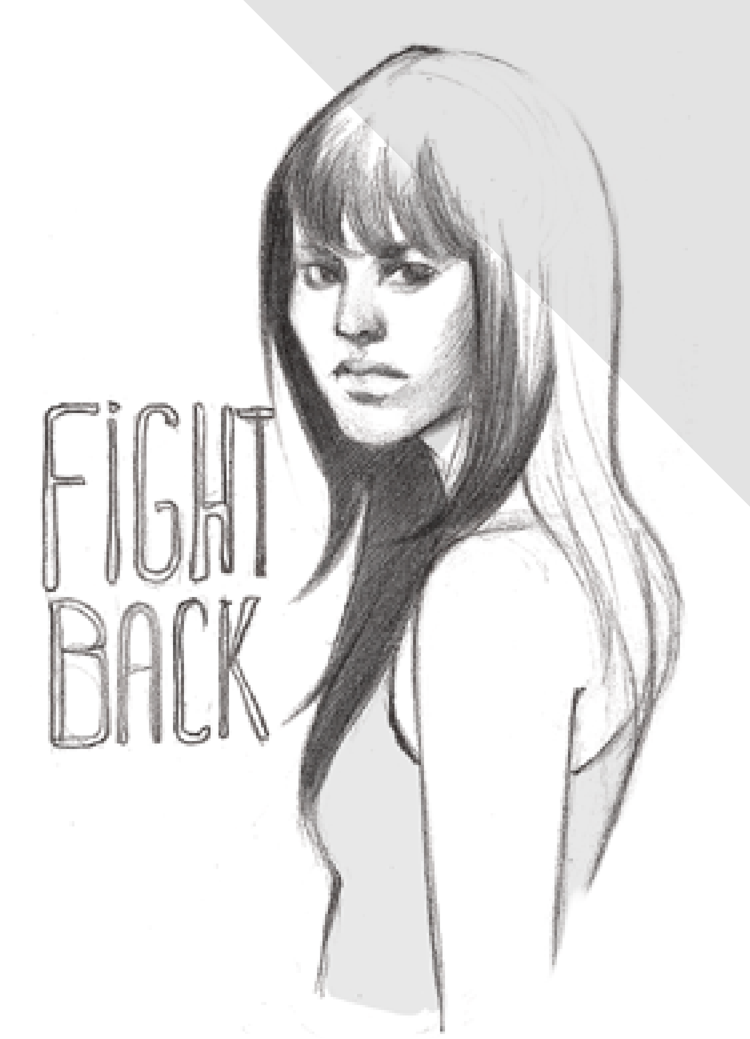
Это доходит до полного отвращения от своего тела и, согласитесь, противоречит самой концепции боди-позитива. Но лишаясь своей субъективности многие феминисты испытывают дискомфорт – причем справедливо. Это целое искусство – сохранять гармонию между двумя телесными крайностями и каждый раз протягивать руку помощи собственному телу, прислушиваясь к его запросам и крикам о помощи.
Я приведу хороший текст на эту тему у одной авторки из ресурса ЖЖ:
«Для гармоничной сексуальности необходимо сочетание и субъектности, и объектности, движение в потоке между двумя крайностями, переход из одного состояния в другое, избегая инертной фазы. Как только сексуальной субъектности становится слишком много и она входит в инертную фазу, энергии начинает не хватать, появляется фрустрация, сексуальный интерес заканчивается, влечение исчезает, и если дать Сцилле работать дальше, может начаться отрицание и отвращение. Человек в этом случае переходит в эгоцентричное, холодное, замкнутое состояние и его может начать раздражать сама мысль о том, что некто воспринимает его как объект, хочет «использовать как мясо», оценивает его формы (сначала раздражает негативная оценка, а потом любая). Чужая телесность неинтересна, собственная неприятна. Любопытно, что при всем отвращении к собственной телесности, на этой фазе нередко возникает «бодипозитив», поскольку тело воспринимается как часть субъектности, ощущается не телесно, не физически, не отделяется от себя, и возникает ощущение «полного приятия», «любви к себе такой как есть», но это не любовь, поскольку тело лишается своей собственной значимости, телесность растворяется в субъектности и ее больше не существует как таковой...

Он возмущен, что ему навязывают какие-то чужие стандарты, ему отвратительна «гламурная» эстетика, он презирает всех, кто посвящает телесности много сил, считая таких людей бессмысленными. И да, часто он бывает прав, поскольку среди тех, кто нападает на него, действительно много телесных аддиктов, то есть тех, кто ударился в другую крайность, то есть утратил субъектность в восприятии телесности.»
Надо еще вспомнить, что без доли объективации не возможен сексуальный контакт в принципе, поэтому гармония и постоянное балансирование в расчете на себя, а не на общество может помочь расширить возможности в познании себя и границ своего тела, там, где оно заканчивается и начинается общественный психоз отвращения или физической аддикции.

Текст: Аруна Алимтаева
Иллюстрации: Вероника Доломан

БЬЮТ ЖЕНЩИНУ

Один из самых популярных вопросов к феминисткам (наряду с вопросом о призыве женщин в армию) – это что-то вроде: «Хотите равноправия? Значит вы будете не против, если мужчина будет относиться к Вам как к мужчине и будет бить в торец?», или «Правило про то, что женщин бить нельзя отменяется и теперь можно?», «Дык, вы же равноправия хотели? В чем проблема?»
Самая большая проблема не в том, хотим мы чего-то или нет, - ответим мы. Основная проблема заключается в том, что на протяжении веков и в наше время у женщин никто и никогда не спрашивал, хотят они, чтобы их били или нет. Женщин просто били. Били все – отцы и мужья, били в качестве наказания и самосуда незнакомые люди. Просто так, потому что захотелось, массово насиловали и мучали солдаты и захватчики.
Всегда бить было можно.
И чем патриархальнее общество, тем больше там «можно». Можно изнасиловать и будет виновата жертва. Можно избить жену за немытую посуду. Можно забить камнями до смерти за отсутствие девственности до брака. Можно избить, потому что можно. Как это происходит на практике, мы можем узнать хотя бы из реалий мусульманских стран.
Мужчина, поднявший руку на женщину – не мужчина!
А кто же тогда? У нас есть два биологических пола. Значит, если он не мужчина, то он женщина?

Постойте-ка. Почти все: серийные убийцы и маньяки – мужчины, абьюзеры и бытовые насильники – мужчины, диктаторы и узурпаторы – мужчины, воины, солдаты и полководцы, рабовладельцы – мужчины. Нестыковочка.
Если уж сторонники патриархата любят приписывать всем мужчинам достижения мужчин – ученых, философов, художников и музыкантов, извольте приписать им не менее заметные другие «достижения».
Поборники «веры в справедливый мир» утверждают, что такие люди лишь исключение, которое есть везде. А общество, оно-то нормальное, это лишь отдельные люди. Так всегда говорят мусульмане, когда очередной муж выливает жене кислоту на лицо, когда очередной «ванька» в деревне с попоя пытается изнасиловать собственную дочь... Вся эта череда насилия не складывается в общую систему. Лишь отдельные плохие люди. Хотя кто-то может обвинять в этом (помимо жертвы, конечно) Запад, ЗОГ, падение нравов, новое правительство. А новое правительство как и старое, не защитит женщин от насилия. Потому что его же как бы и нет. У нас же мужчины не бьют женщин. А кто бьёт, тот не мужчина. Значит с мужчинами бороться не нужно, всё просто.

Это не общество! Это лишь отдельные люди!

Что же такое должно произойти, чтобы мужчина ударил женщину?
Тут думать долго не нужно. Во-первых, нужно родиться мужчиной. Дальше дело за малым. Пройти социализацию, где мальчикам с детства приходится решать конфликты силой. Иначе «как баба» же. Впитывать годами накопленную «мудрость» предков, вроде «бьёт, значит любит», учиться почитать традиции, вроде «кыз узату». Узнать, что мужчины сильный пол, а женщины – слабый. Тренироваться на сверстниках-мальчиках и получать от них...
Мы не хотим быть как мужчины.
Самым большим заблуждением в отношении феминизма является то, что феминистки хотят жить как мужчины. Еще Фрейд говорил о «зависти к фаллосу». Может быть, кто-то и хочет. И кто-то завидует. Но не мы.
Мы не хотим жить в мужском мире. Мы не хотим «удобно» встраиваться в патриархальную систему, как это любят делать либеральные феминистки.
Да, мы будем против, когда мужчина поднимает руку на женщину. Не потому что «так нельзя», а потому, что «нельзя никак». Мы не хотим, чтобы нас били. Мы не хотим, чтобы били кого-либо. Если «настоящим мужчинам» нужно физическое насилие – пусть держатся подальше от женщин.

Мы не хотим быть как мужчины

Мы мечтаем о том обществе, где вопросы не решаются насилием. Где сильные не эксплуатируют слабых. Где сильные не бьют слабых. Где сильные не умирают за идеалы еще более сильных.

Мы просто не хотим жить в мужском мире.

Текст: Олеся Ковтяк
Иллюстрация: Вероника Доломан

О РАДОСТЯХ КНУТА

«У женщины всегда есть выбор – феминизм или мазохизм»
Глория Стайнем

Несмотря на то, что к моменту выхода этого номера, страсти по набившей уже оскомину экранизации «50 оттенков серого» немного поутихли и все, кто только мог, успели высказать своё мнение на этот счет – мы не могли обойти стороной весь этот ажиотаж.
Сложно сказать, почему рядовой «дамский» эротический роман стал таким популярным, а чтобы пойти на фильм, рейтинг IMDb которогосоставляет 4.00, люди стояли в километровых очередях.Мы не будем обсуждать отвратительную игру актёров, диалоги, смысла в которых чуть больше, чем в «сюжетной завязке» порнофильма.

И дело тут не в том, что фильм не показал все книжные «танцы внутренних богинь» и «разлетающиеся на тысячи осколков» душевные терзания главной героини. Они тоже не меняют главный смысл и посыл этого продукта современной культуры. Именно об этом и хотелось бы поговорить.
Перед тем, как посмотреть фильм, я уже знала, что это фильм об абьюзе. Многие феминистки говорили, что возмущены демонстрацией абьюза (то есть психологического и физического насилия, манипуляции и подавления личности) и что он воспринимается зрителями, как подлинные любовные отношения и страсть.
В свете огромной популярности 50 оттенков, хотелось бы порассуждать на тему романтизации абьюза в современной культуре. Почему, когдаженщина шантажирует и манипулирует мужчиной – это любимая тема женоненавистников и сексистких шуток? А когда красавчик-миллионер с экрана говорит «будь ты моей, не смогла бы сидеть еще неделю» - девушки ахают и умиляются вместо того, чтобы подумать: «да какого чёрта»?
Может быть, дело в том, что страдание для женщины – это, якобы, нормальное состояние? Даже более того, страдание для женщины – это то, с помощью чего она может достигнуть «женского счастья». Боль – для женщины естественна и положена. Как моральная – самопожертвование, сострадание, самоотдача ради близких, выбор «плохих парней» – всё это очень по-женски, правда? Так и страдания физические – связанные с понятиями красоты у разных народов и культур,боль, связанная с женской физиологией, «потеря» девственности, роды, в конце концов...
Представьте связанную девушку, которую шлёпают по попе. Сексуально, привычно. А теперь представьте мужчину? Вообще, если кто еще не в курсе, зеркало – это очень удобный индикатор сексизма. Просто мысленно поменяйте пол героя\персонажа\человека и многое становится ясно.Практики БДСМ - это то, что люди делают осознанно и добровольно. Для узкого круга любителей. И мы не будем сейчас рассуждать об этих практиках. А вот сексуальное насилие, совершаемое мужчиной и подчинённая роль женщины – это вещи привычные и очень обыденные. Секс и насилие – как банально!

Почему две несовместимые вещи идут рука об руку? Всё упирается в историю. В историю насилия мужчин над женщинами. И над другими мужчинами тоже. В «мужском мире» секс – это не выражение любви. Это еще и средство самоутверждения, доминирования и порабощения.
И мне искренне непонятно, почему потребителями фильмов и книг об унижении женщин являются...женщины? С тех пор, как читали о Золушке, которая «настрадала» себе принца? Массовая культура любит эти истории, «50 О.С» и «Сумерки», советский «Москва слезам не верит», «9 с половиной недель», «Убей меня нежно...». «Настоящему мужику» такие фильмы полагается ненавидеть, простокак и всё «бабское». А мы хотим сказать то, что такие фильмы вредны для женщин. В первую очередь потому, что это продукт сформированного в нашей патриархальной культуре мужского взгляда на мир, даже если автор – женщина. Кроме того, что такие фильмы романтизируют абьюз, они укрепляют стереотипы о якобы продажности женщин и развивают внутреннюю мизогинию.

Текст: Олеся Ковтяк

ЖЕНСКИЙ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИЗАЦИИ

Предмодерная акцентуация современности

Умирающий институт алматинской социальной философии в припадке настроений и упадке практических, изменяющих, трансформирующих общество критических потенциальностей. Может показаться, что необходимость философии как дисциплинарной системы отпадает на задний план, когда во главе государства находится «философ», который в процессе производства контекста современности осмысляет предмодерную и модерную историю, попутно делая самого себя её частью.Не раз предпринимались попытки упразднения факультета философии или философских дисциплин в общеобразовательном компоненте за ненадобностью.
Как ни парадоксально, но теоретизация авторитарного социального порядка, описанного представителем философии мусульманского ренессанса аль-Фараби, актуализируется официальными представительницами и представителями алматинской институциональной философии; социального порядка иерархизированного, в котором за эманацией субстанций стоит эманация капитала, а принципы рациональности и гармонии задают смысл общественному бытию. Однако опознать предмодерность как конституирующий компонент казахстанской современности может помочь не только наблюдение за тем, как официальные лица проводят параллели между концепцией «добродетельного города» аль-Фараби и концепцией «мәңгілік ел» Назарбаева (синтез данных концепций служит также обоснованием культурной политики Казахстана – «smart city»), но и жизненный опыт существования внутри института социальной философии, в ткань которого вплетен, как по Жаку Деррида, фаллологоцентризм.

Контекстуализмы – contextualisms: интерпретируя фаллологоцентризм

Предмодерная перспектива женского опыта институциональной философизации строится на гендерной «универсальности» мышления; точка отсчета этой перспективы – понятие рациональности как традиции институционального философствования.
Критериальность рациональности настолько велика, что она принимает роль высшей воли – воли гуманитарных теорий, воли онтологической оправданности практик реальной жизни. Носительницы и носители рациональности устанавливают свои правила игры, исключающие, нивелирующие нерациональные/иррациональные аспекты из поля теорий – телесный опыт, чувственное познание, интуицию, поэтизацию, конструирование метафор, эстетические/художественные теории и практики. Ландшафт рационально мыслящей и действующей идентичности, выравнивающий перепады гендерных различий; ландшафт, гомогенизированный метафизическими предустановками потустороннего существования логоса. Иллюзорная самоценность и мнимый объединяющий стимул рациональности: обращение к разуму – логическим, априорно данным сущностным структурам; жест рук, устремленных ввысь, в небо, апелляция к богу. Политика исключения иных, в частности феминистских и критических педагогических установок, намеренного исключения гендерной чувствительности из областей теоретических построений, из процесса конструирования историй, из области языка – связаны с воплощением «антропологического предназначения *человека* – мыслить рационально», с вытеснением *иного,* в частности вытеснением феминного, женского. Коллективная и индивидуальная борьба обнажения авторитарного смысла рациональной позиции, и её последующая кастрация в процессе социализации чувствительности к *иному,* вплетение *иного* в общественный телесный опыт и создают контекст, который в своем трансформирующем потенциале может конституировать *иные* идентичности, *иное* социальное тело, *иное* общественное пространство, и соответственно *иные* модальности институциональной философизации, в своих качественных временных характеристиках укорененных в трепетной материи едва уловимого здесь и сейчас.

Текст: Наталья Панкина
Иллюстрация: Якопо де Барбари

ГОРБАТАЯ ГОРА ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА

В честном и откровенном разговоре о сексизме неизбежно и закономерно должен быть поднят вопрос преследования гомосексуалов и людей с неконформной гендерной идентичностью. Гомофобия также является неотъемлемой частью патриархального дискурса и тесно связана с мизогинным моральным одексом, структурно воспроизводя мачистские модели угнетения по отношению к ЛГБТ+ гражданам, но в гораздо более брутальной форме.

Никакого «доброжелательного сексизма» в отношении себя эти люди, разумеется, не ощущают. Иными словами, ненависть к этой категории вскрывает оборотную, теневую сторону домостроевского уклада, который нам теперь денно и нощно глорифицируют поборники никогда не существовавшего «светлого прошлого».

Гееборческая тема, которая поселилась в риторике Администрации последние пару лет и нашла яркое воплощение в нашумевшей истории с рекламным постером «Курмангазы-Пушкина», завершится, видимо, логичным законодательным резюме.

16 февраля 2015 года казахстанский Сенат одобрил закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором помимо прочего, содержится запрет «пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации».

К моменту, когда номер этого журнала будет в широком доступе, президент, скорее всего, поставит под ним свою подпись, но это не имеет принципиального значения. Интересно и важно понять, почему вообще казахстанская директория, которая много лет не проявляла ни малейшего интереса к этой теме, внезапно обеспокоилась за сохранность «традиционных ценностей» и начала в ускоренном режиме воспроизводить аналогичную политику северного соседа.

Собственно, в самом вопросе, по мнению многих, и содержится ответ: попадание Ак-Орды в прямую и едва ли не вассальную зависимость от Кремля привело к заимствованию реакционных идеологических конструктов. Объяснение верное лишь частично и все равно не раскрывающее глубинных причин этого явления.

Меж тем ответ лежит на поверхности, но в направлении прямо противоположном тому, куда смотрят [делают вид?] либеральные правозащитники и совестливые креаклы с «хорошими лицами». Из поля зрения и сторонников консервативного поворота, и его пылких сретников, как-то выпадает тот факт, что в последние несколько лет правящая камарилья, оправившись от экономического кризиса и Жанаозена, с новыми силами взялась за демонтаж рудиментов социально-экономической инфраструктуры построенной в советскую эпоху.

Объявленная первыми лицами «вторая волна приватизации» [в том числе, через т.н. «Народное IPO»], вступление в Евразийский союз и без конца откладывающееся присоединение к ВТО, введение подушевого финансирования в школах, закон об автономии вузов, увеличение пенсионного возраста для женщин, снижение декретных выплат, активно поощряемые разговоры об альтернативном школьном образовании на дому — все эти меры если не окончательно, то в значительной мере преобразовывают нашу страну в типичный третьемирский Петростан, где общеобразовательная школа, бесплатная поликлиника и гарантированная пенсия становятся недостижимыми «утопическими» мечтами.

В *этих условиях именно семья, — крепкая, большая и патриархальная —* становится основным социальным стержнем и берет на себя львиную долю прямых обязанностей

государственного аппарата, который счастливо умывает руки и сосредотачивает свое драгоценное внимание на формировании привлекательного инвестиционного климата и защите интересов крупного капитала.
Никакой конспирологии. Вот, что заявил, например, в интервью один из инициаторов подражательного закона, мажилисмен Камал Бурханов: «Порядка 1 млн человек у нас получают государственные пособия. И это все ложится на бюджет. Нужно уменьшать количество сирот, количество одиноких стариков. А как? За счет того, чтобы дети росли, поддерживали».
Конец цитаты.
Неолиберальное государство остро нуждается в росте рождаемости, но все расходы предлагает взять населению на себя. Получается, прямо скажем, не очень. По официальной статистике, в стране распадается каждый третий брак. Снижение демографии и кризис нуклеарной семейной модели — процесс глобальный и связан с целым рядом объективных факторов, главными из которых являются рост образованности и городского населения, но отечественную бюрократ-буржуазию известить об этом либо забыли, либо они искренне верят, что любую проблему можно разрулить назойливой хабаровской пропагандой.
Государственные медиа послушно нудят о святости брака и незыблемости национальных традиций. В северной столице открывается институт культурно-нравственного воспитания «Казак кызы», который, по мнению его создателей, может «предотвратить многие социальные проблемы общества: дети-сироты, брошенные старики, излишняя эмансипированность, а также оторванность молодого поколения от своих корней».
В Алматы существует и якобы пользуется бешеной популярностью «Школа молодоженов», в которой девушки [мужская половина не упоминается] «смогут пройти курсы для подготовки к семейной жизни, получить знания по психологии жизни, супружеским отношениям, подготовки себя к роли хозяйки». Даже в Кызылорде, этом оплоте казахского консерватизма и почвенного благочестия, некий общественный деятель просит у властей помощь в создании клуба будущих невесток.
«В Советском Союзе не было памперсов, стиральных машин, микроволновок, но матери успевали делать всё, а нынешние невестки ничего не успевают при всех этих технических новшествах», - горько сокрушается юный обскурантист.Как и любые реакционные инициативы насаждаемые сверху, эта идея нуждается не только в своих положительных персонажах [покорной и расторопной невестке, доброй и мудрой свекрови, властном и суровом отце большого семейства], но и антигероях, роль которых ожидаемо достается «излишне эмансипированным женщинам» и представителям ЛГБТ+.

Снижение демографии и кризис нуклеарной семейной модели — процесс глобальный и связан с целым рядом объективных факторов

Тот факт, что 5-10% населения никак не могут серьезно повлиять на рост рождаемости [а если бы и влияли, это никак не могло служить оправданием для скверного к ним отношения] зачинщиками травли может, кстати, вполне осознаваться, но в том-то и дело, что речь идет именно о поиске крайнего, козла отпущения, которого можно назначить главным виновником всех мыслимых бед и перенаправить на него копящуюся в массах фрустрацию, вызванную, главным образом, снижением уровня жизни.
Ничего принципиального нового в такой практике, конечно, нет. К подобным уловкам успешно прибегает большинство правоконсервативных правительств, компенсирующих свою экономическую политику [идущую вразрез с интересами большинства населения] пуристической культурной программой, сосредоточенной на однополых браках, абортах и преподавании эволюционной теории в школах.
Как явственно следует из реакции общественности на раздутый ажиотаж вокруг злополучного постера или шлейфа разъяренных комментариев к любой публикации на рассматриваемую тему — эта метода успешно прошла апробацию в здешних условиях и скорее всего, ляжет в основу переизбранного режима на многие годы вперед.
В свете всего вышесказанного, уже не удивляет загадочная слепота либерального истеблишмента, который трогательно сочувствуя гомосексуалам и горестно порицая соотечественников за ретроградные воззрения, демонстративно не замечает перечисленных экономических мер [за исключением, конечно, Евразийского союза] поскольку это обязательный и далеко не полный перечень пунктов его собственной программы. В этих вопросах у него с «кровавым режимом» всегда было полное взаимопонимание.Таким образом, борьба с гомофобией как таковой, это совершенно бессмысленное в своем упрощенчестве занятие. Широкие слои населения не поменяют своего отношения к ЛГБТ+ гражданам и любым другим социально неконформным людям, пока их образованием будет заниматься телевизор и мечеть, а повседневная жизнь все больше походить на репортаж из латиноамериканских трущоб.

Борьба с патриархатом и мракобесием неотделима от борьбы за социальное государство и те из гомосексуалов, кто действительно хочет изменить к себе отношение большинства, должны принять в ней посильное участие.
Что касается непосредственно их прав на заключение официального брачного союза, то в настоящий момент это требование [которое, впрочем, не осмеливается озвучить ни один либеральный деятель] можно уверенно назвать устаревшим, напрочь утратившим сколько-нибудь подрывной потенциал и радикальную глубину. Ведь по сути дела, это всего лишь воспроизведение патриархальной модели со всеми вытекающими минусами, но для людей одного пола.
Подлинная же реформа семейного законодательства должна состоять в том, чтобы институт семьи был как понятия юридически-экономического, был четко отделен от половой принадлежности и сексуальной ориентации его участников.

«Оформить отношения» должно означать следующее:

я прихожу в некий государственный орган вместе с любым человеком или несколькими людьми любого пола, возраста, состоящих или не состоящих со мной в кровной родственной связи и заявляю, что
— Мы с этими людьми представляем из себя «семью», то есть связаны друг с другом, ведем совместное хозяйство, обладаем общим имуществом, создаем некое юридически-экономическое сообщество и хотим, чтобы государство признало нас ближайшими родственниками.
— Мы хотим иметь возможность брать семейную ипотеку и построить дом, которые будут собственностью всех участников сообщества.
— Оформить семейную медстраховку, а также правовую и вообще любую страховку на нас как на семью.
— Мы хотим, чтобы члены нашего сообщества имели первоочередное право на наследство в случае смерти одного из участников [как сейчас супруги].
— Чтобы они имели возможность не свидетельствовать друг против друга в суде.
— Чтобы если кто-то из участников оказался в реанимации или в состоянии, где есть угроза для жизни, то с остальными членами сообщества разговаривали бы, как с близкими родственниками и они бы имели возможность принимать решения. И пускали бы их туда, куда никого, кроме близких родственников не пускают.
— Если у кого-то из участников сообщества есть дети, то представлять интересы детей в школе, в поликлинике, в больнице, в полиции и суде может любой из членов сообщества. И в случае смерти биологического родителя дети не отправятся в детдом, а будут автоматически считаться воспитанниками остальных членов сообщества.
— Если я нахожусь в командировке или в путешествии в другом городе, а мне нужно срочно забрать в каком-то ведомстве некий документ, то это тоже может сделать за меня один из членов сообщества, и ему не скажут «а вы ему вообще никто».
— Если дети болеют, каждый из членов сообщества имеет право на оплачиваемый отпуск [а не только биологический родитель], и мы сами решаем, кому удобнее остаться дома и сидеть с ребенком.
— Если кто-то из семьи рожает, то дополнительный день отпуска полагается не только биологическому отцу, его по выбору может взять любой из членов сообщества. И присутствовать при родах имеет право не только биологический отец, а один из членов семьи по выбору роженицы.
— Если кто-то переезжает жить в другой город или в другую страну, остальные автоматически получают право последовать за ним как члены семьи.
Только эти и другие подобные меры [в частности, учреждение ювенальной юстиции и лишение биологических родителей приоритетного права в воспитании детей] вкупе с построением государства социального благоденствия и реформой всех уровней образовательной сферы смогут навсегда покончить с сексизмом, гомофобией и другими видами ксенофобии.
Для начала же, необходима хотя бы готовность принять эту программу действий и представить её на суд общества.

Текст: Олжас Кожахмет
Иллюстрация: Laurie Lipton

СОЗДАВАЯ НОРМУ

В современном мире, как и любое движение, феминизм прошел свой путь развития тремя «волнами», по пути успев разбиться о социальные противоречия на множество подвидов, вовлекающих в движение совершенно разные классы людей. Главное объединяющее качество всегда было гендерное, но, как оказалось, и тут могут быть свои нюансы. Вернее, были они всегда, но в настоящее время относительной гласности и свободы слова некоторые ранее мало вовлеченные в феминизм группы решив присоединиться, получили достаточно неоднозначные ответы от своих единомышленниц, разделяющих с ними только одно право – право на равенство – но никак не право на свободное гендерное, социальное и сексуальное выражение.
Непринятие в феминизм мужчин было обосновано весьма нелогично отсутствием некоего общего опыта угнетения, что обозначает сплочение феминистских рядов только на основе общей виктимизации, что в корне неверно. И если сейчас с цисгендерными мужчинами вопрос чаще всего однозначен и понятен, то что делать с остальными субъектами, не вписывающимися в категорию общей гендерной бинарности?

> *Под понятием «гендерное равенство» в нашем обществе чаще всего подразумевают равенство мужчин и женщин, забывая права представителей всех остальных полов и гендерных идентичностей.*

Получается, в феминизме, как и в повседневной практике, на обочине жизни остаются транс-люди, асексуалы, агендеры, интерсексуалы, пансексуалы и т. д. Все, кого проще называть одним обобщающим словом квир. В квир-категорию попадают и лесбиянки, и бисексуалки, принимающие активное участие в фем-движении с самого его начала, но часто подвергающиеся гомофобным нападкам как со стороны общественности, так и со стороны единомышленниц, что печально вдвойне.
Отвратительную дискриминацию, против которой борется все фем-движение, оно само склонно проявлять в отношении всего «квирного», выходящего за рамки обычного представления о биологическом поле и гендере. И если один из основополагающих принципов феминизма – это равенство полов, то что делать тем, кто отверг _ла свой биологический пол, но в гендерной социализации так и не был принят_а? Женщины и так разделены сексизмом, расизмом, классовыми привилегиями и множеством других предрассудков. И устойчивая связь между женщинами в движении может возникнуть только посредством борьбы с этими разделениями, когда предприняты необходимые шаги для их устранения. И настоящей солидарности можно добиться не только уважительно относясь к опыту каждого человека, но и не исключая группы, не соответствующие стандартам «нормальности», и не деля людей на правильных и неправильных.
Реформированием феминизма от гомофобии, трансфобии занимается квир-феминизм, рискнувший защищать интересы и права не только цисгендерных женщин. То есть, квир-феминизм – это теория и практика движения за гендерное и сексуальное равенство всех людей и за свободу от гетеронормативности, является одновременно направлением феминизма и движения за права ЛГБТ+, так как проблема у них общая – гетеронормативность (комплекс представлений об определенном поле, сексуальности, гендере и соответствующем ему социальном поведении). Установленные им виды идентичности и поведения в обществе как «нормальные» при этом отрицают допустимость всех остальных возможностей, поддерживая уже установленную веками иерархию неравенства. И с отрицанием гетеронормативности нормальным станет все возможное разнообразие идентичностей, свободное сексуальное поведение в рамках взаимной добровольности и разумности, установление равенства между всеми людьми, независимо от их пола, сексуальности, гендера и т. д.
То есть, в контексте квир-феминизма, пол не всегда должен соответствовать гендеру и наоборот, отрицается нормативная гетеросексуальность и бинарность полов, стирается иерархия полов и/или гендеров и привязка человеческих качеств и способностей к ним, сексуальность не привязана к полу/гендеру, репродуктивная функция секса не ставится во главу угла, уходит проблема репродуктивного насилия, стандартов внешности и стереотипов поведения, обязательной моногамии и стандартов семейных структур.

Данная критика совершенно не означает развал общества и вселенский хаос - это взгляд на то, как все вещи, которые мы считаем сейчас «нормальными», возникали и становились таковыми.

Норма – культурно сконструированное понятие, относящееся к сфере цивилизации, а не природы.

То есть, никто не может иметь «нормальные» ценности с самого рождения. Они воспитываются в социуме. И данная критика не означает отказ от всего, чему мы привыкли следовать и на что опираться в жизненном выборе, а всего лишь принятие нами осознанного выбора тех норм, которым мы будем следовать. Если нет врожденных норм, то есть приобретенные или выбранные по собственному желанию.

Текст: Арина Осиновскова

МАНИФЕСТ КВИР-КОММУНИЗМА

Возвращая мыслимый горизонт и образ будущего, преодолевая постсоветский паралич воображения, мы сознаем, что наша цель – не коммунизм, наша цель – квир-коммунизм.
Мы понимаем квир не только как размывание стандартов пола, гендера и сексуальности, но в целом – как вызов традиционным политикам идентичности в их эссенциалистском изводе, – как отрицание гендерных, этнических, расовых, национальных границ.
Квир и коммунизм – обоюдно-зависимые и неизбежные понятия, – имена процесса, преодолевающего отчуждение.

Быть квиром значит быть коммунистом,

поскольку коммунизм – ключевое условие снятия гендерной нормативности. Только упразднение частной собственности, низовая демократия и общественный контроль над распределением глобальных ресурсов позволят переформатировать политические категории гендера, пола и сексуальности. Капитализм отчаянно сопротивляется попыткам трансформации символической матрицы, – мы ежедневно наблюдаем процесс, именуемый «патриархатным ренессансом». При капитализме размывание гендерного порядка – просто слишком дорогое удовольствие. Главным оплотом рыночной системы является институт семьи (вспомним идеологиню неолиберализма Тэтчер: «Общества нет – есть только мужчины, женщины и семьи»). Структурная связь патриархата и капитализма стала особенно явной сейчас, в период неолиберальной реакции: чем более циничные формы принимает капитализм, тем более агрессивным становится патриархат, использующий «семейные ценности» в качестве манипулятивного подспорья. Семья, – омываемая потоками розовых соплей «цитадель любви», – работает как бесперебойная многофункциональная машина по обеспечению капиталистического режима рабочей силой и усилению эксплуатации. Одна из ее функций – перекладывание ответственности за социальную защиту уязвимых групп с общественных институтов на фамильные, родовые или квази-общинные, для чего необходимо укрепление кровнородственных связей. Вторая функция – производство лояльности и атомизированной аполитичности (патриархи не пойдут на баррикады, им «надо кормить семью»), третья – самовоспроизводство патриархатной матрицы посредством «воспитания». Гендер – один из компонентов в цементном растворе капитализма. Женщины, ЛГБТ, чайлдфри, незамужние/неженатые, асексуалы, квиры получают при капитализме стигму несчастья/неполноценности/экзотизации, – которая если и смещается, то никогда не исчезает, накрывая то одну, то другую группу людей. Стигма – константа капитализма, рабочая формула которого с необходимостью включает биополитический контроль над рождением и смертью. Радикальное переформатирование гендерного порядка – что и означает «квир», – и иные, помимо нуклеарной семьи, формы совместности представимы как дестигматизированные практики лишь на коммунистическом горизонте.

Быть коммунистом значит быть квиром,

поскольку радикально иное устройство общества – коммунизм – не может нескончаемо копировать старую эдипальную матрицу. Многие левые – вплоть до ведущих интеллектуалов – демонстрируют косность и ханжество, абсолютизируя гендерную нормативность и Эдипов треугольник, словно нерушимую сакральную геометрию. Игнорируя мысль XX века, они отстают даже от их единственного авторитета Энгельса, выдвинувшего в качестве центральной концепции марксистской мысли историчность любых форм человеческой совместности. Прокрустово ложе гендера уже сейчас осознается многими как устаревшее, однако движения феминисток и ЛГБТ отрицаются пуритански настроенными левыми, получая нелепый ярлык «буржуазных». Вместе с тем борьба с гендерным порядком – даже если она и не включает стандартные левые лозунги и не использует марксистскую риторику – это борьба против

гендерного угнетения и разделения труда, в частности, неоплачиваемого репродуктивного труда женщин, который также укрепляет капиталистическую матрицу. Здесь нельзя забывать неудачный опыт большевиков, которые, «освобождая женщину от кухонного рабства», полагались лишь на повышение производительности труда и развитие средств производства. Освобождения ждали от фабрик-кухонь и умных швейных машин, люди же мыслились простыми функциями зависимости от техники. Тела людей тоже определялись как «средства производства» – производства других тел и товаров – и в этом «реальный социализм» (видевший цель эмансипации женщин прежде всего в повышении их участия в производстве) совпадает с сегодняшним реальным капитализмом, сходным образом инструментализирующим субъекта. Тот же факт, что люди производят не только людей и вещи, но и смыслы и аффекты, не брался в расчет.

Будущее строится из кирпичиков настоящего,

и воображение, практики и опыты, радикальным образом противопоставленные логике доминирующей нормативности, и есть эти самые кирпичики. Сегодня и сейчас подрыв существующего патриархатного гендерного порядка должен стать обязательной частью любой левой программы, но в первую очередь – обязательной частью любой левой организации и левого самосознания как такового, каким бы болезненным и сложным ни был этот процесс.

Политическим горизонтом квир-движения, бросающего вызов столетиями формировавшейся эссенциалистской догме, не может стать унылая капиталистическая гетеронормативная нормализация в рамках благословлённой обществом и государством семьи. Радикальное равенство, радикальное воображение форм совместности и близости людей, неисчислимое многообразие телесностей – вот горизонт, достойный смелого, радикального и бескомпромиссного движения квиров, и этот горизонт нельзя заменить иллюзией мещанского уюта частной собственности и товарного многообразия свободного рынка.

Квир-коммунисты, объединяйтесь в борьбе против капитализма и

Текст: Школа теории и активизма – Бишкек (ШТАБ)

Спасибо за внимание!
Фонд Эбби Хоффмана.